

УДК 303.1

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-421-428

**КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ
К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ****CRITICAL ANALYSIS OF RESEARCH APPROACHES
TO THE STUDY OF SOCIAL SYSTEMS****В.Г. Погосян
V.G. Pogosyan**Российский государственный социальный университет,
Россия, 129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, дом 4, стр. 1Russian State Social University,
Wilhelm Pieck street, 4, build.1, Moscow, 129226, Russia

E-mail: vardgues@mail.ru

Аннотация

Рассмотрены эвристические и дескриптивные возможности методологических подходов в интерпретации функционирования социальных систем. Выявлены имманентные проблемы теоретических конструктов линейного паттерна мейнстрима. Обоснована необходимость комбинирования познавательных возможностей методологии цивилизационного паттерна с дискурсом теории хаоса в отношении социальных изменений: ограничения амплитуды возможных вариантов в точках бифуркации задаются алгоритмами коэволюционного развития. Полученные результаты исследования актуализируют поддержание системных параметров порядка в процессе модернизационных реформ с соответствующими ограничениями в ходе институциональной перестройки.

Abstract

The paper research heuristic and descriptive possibilities of methodological approaches in the interpretation of the functioning of social systems are considered. Audit of main approaches are due to both radical global changes and the need for a regular review of theoretical and philosophical grounds for their relevance to reality. The use of inadequate scientific grounds for the implementation of reform programs leads to a violation of the sustainability of social systems and is fraught with catastrophic scenarios. The immanent problems of the theoretical constructs of the mainstream linear pattern of the are revealed. The necessity of combining the cognitive possibilities of the methodology of the civilization pattern with the discourse of chaos theory with respect to social changes is substantiated: limitations of the amplitude of possible variants at bifurcation points are given by algorithms of co-evolutionary development. The obtained results of the research actualize the maintenance of systemic order parameters in the process of modernization reforms with corresponding restrictions in the course of institutional restructuring.

Ключевые слова: социальная система, самоорганизация, параметры порядка, институциональные основы, методологический подход, цивилизация, коэволюция, социальные нормы, имманентные свойства, бифуркация.

Keywords: social system, self-organization, order parameters, institutional bases, methodological approach, civilization, co-evolution, social norms, immanent properties, bifurcation.

Введение

Необходимым условием развития науки является регулярное исследование содержания объяснительных моделей на предмет установления валидности

аккумуляции знания, оперативной рефлексии и внедрения теоретических инноваций. Разрешение конкретных проблем зависит от базовых предположений, семантики понятий и логико-методологических норм применяемой методологии. Казалось бы, доказанный практикой жизни (объективное существование многообразных форм общественных образований) и утвердившийся в науке [Huntington, S. 1996] постулат о поливариантности социально-исторического процесса и существовании феномена цивилизации является, однако, предметом активных дискуссий в российском социуме в ходе общественной полемики о путях институциональной перестройки возникшего и функционирующего на коммунитарных основаниях общества на субсидиарный лад, с игнорированием имманентных свойств саморазвития и саморегуляции. Непрекращающиеся попытки в сферах государственного строительства, экономике, медицине, образовании и т. д. интериоризировать либерально-рыночную парадигму в российскую действительность, выстроенную на совершенно иных аксиологических основаниях, актуализирует необходимость очередной ревизии методологических подходов к проблеме саморегуляции общества, поддержания его функциональности и сохранения интегральной целостности в условиях происходящих социальных изменений, связанных со сменой технологического уклада и разнонаправленных глобальных тенденций.

Объекты и методы исследования

Приведенный мета-социологический анализ нацелен на установление степени соответствия концептуальных возможностей существующих теорий реалиям окружающего мира, поскольку использование неадекватных действительности научных оснований имплементируемых программ преобразований приводит к нарушению устойчивости социальных систем. Проблема связана с активизацией в современной социальной динамике информационных потоков и возрастанием роли фактора инноваций, теснящих традиции, нарушающих стабильность систем и актуализирующих вопросы адаптации обществ к непрерывным изменениям социальной реальности вкупе с возможностями управления механизмами социального развития, и состоит в разрешении противоречия между усиливающейся необходимостью модернизации находящихся в состоянии системного кризиса обществ и отсутствием адекватной объяснительной теории вместе с методологией, позволяющей выработать пути не катастрофического выхода из кризисной ситуации. Объектом исследования выступают существующие в социологической науке методологические подходы как принципиальные исследовательские ориентации и способы определения объекта изучения. Предметный интерес представляют эвристические и дескриптивные возможности подобных теоретических конструктов как линейного, так и цивилизационного паттернов, в части способности последних служить адекватным исследовательским инструментарием в изучении социальных систем и интерпретации происходящих в них изменений. Парадигмальная состоятельность конкретного методологического подхода рассматривается через призму отношения к феномену социальных изменений, а критерием адекватности подхода определяется его соответствие действительному функционированию социальных систем с использованием научного потенциала теории для обеспечения их устойчивости и безопасности.

Исследование выполнено с привлечением принципа социально-исторического детерминизма, выражающего всеобщую взаимосвязь и взаимообусловленность социальных явлений, и идеи о коэволюционной природе социального порядка каждого конкретного общества, коррелирующей с традицией Path Dependence с инкрементным характером социальных изменений и институциональной устойчивостью обществ. В качестве основных методов исследования применены абстрактно-аналитический и компаративный методы.

Результаты исследования и их обсуждение

Основной посылкой социологического анализа является то, что причины социальных изменений кроются в характере социального устройства. В центре внимания оказываются

анализ условий и механизмов социального порядка, поддерживающих его элементов, происходящих в нём изменений, типологизация разновидностей такого порядка. Отправной точкой в понимании механизмов социального порядка служит положение о том, что социальный беспорядок не отличается по сути и природе от порядка и не первичен по отношению к нему, но проистекает из того же порядка, характеризуясь иным набором и соотношением условий и элементов. Предполагается, что социальная дезорганизация может быть системообразующим фактором, устанавливающим социальный порядок, и может послужить отправным моментом в исследовании социальных изменений. Выделяют два основных направления, в соответствии с которыми осуществляются исследования социальных изменений: линейный и цивилизационный паттерны развития. Линейный подход состоит в одномерном прогрессистско-поступательном развитии человечества, в рамках которого социальные изменения происходят либо путём эволюции, либо путём революции. В первом случае социальные изменения стадийны, поступательны, общества видоизменяются от простых к сложно дифференцированным, от военно-аграрных к индустриально-урбанистическим (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм). Эволюционистские традиции определённым образом сохраняет в себе функционализм (Т. Парсонс, Б. Малиновский, А. Редклифф-Браун). Революционные же теории выводят приоритетным фактором столкновение политических интересов различных классов, а сами социальные изменения фундаментального характера являются следствием их конфликта, результатом борьбы при этом становится появление принципиально новых социальных систем (К. Маркс, И. Валлерстайн, С. Амин, П. Боде).

Структурно-функциональная социология исходит из попытки объяснения функционирования социальной системы. Согласно разработанному Т. Парсонсом подходу, главными основаниями изменений в социальных системах могут быть: нарушающие равновесие тенденции, которые всегда наличествуют в отношениях между социальной системой и её окружением; напряжённость, существующая между нормативными и структурными элементами любой социальной системы. Система гомеостатична, равновесна или находится в состоянии относительной стабильности, стабильна или находится в относительном равновесии, если в результате взаимодействия с внешней средой её имманентные свойства остаются неизменными [Parsons, 1964]. В результате без должного внимания остается отношение между конфликтами вокруг власти и внутренними противоречиями, с одной стороны, и созданием новых уровней ресурсов, благодаря которым могли происходить системные изменения, – с другой. Сам факт игнорирования конфликта как фактора общественного развития делает такой подход несостоятельным. Поэтому либеральная идеология, основанная на весьма уязвимой с точки зрения критики теории с присущей претензией на линейность и универсализм, распространяется на практике по миру не в виде учения, а насаждается компрадорскими элитами стран путем манипуляции общественным сознанием в виде норм поведения.

Конфликтный подход (Л. Козер, Р. Дарендорф, Р. Бендикс, Р. Коллинз) подчёркивает прежде всего, что главным источником изменений в обществе является конфликт между группами, отстаивающими свои материальные или идеальные интересы. Так, Р. Бендикс построил свою критику структурного функционализма и системного подхода в целом на том, что теория модернизация является фактически продолжением эволюционистских теорий, отмечая чрезвычайный уровень абстракции и несостоятельность в объяснении причин происходящих исторических процессов. Критически анализируя исторический материализм, автор отвергает идею о том, что процесс модернизации поступенчато-стадиален и обязателен для всех обществ [Bendix, 1973], оспаривает определяющую роль экономического императива в формировании идей, и, опираясь на выделенные М. Вебером культурные факторы, настаивает на важности их воздействия в социально-экономическом развитии [Bendix, 1974]. Но конфликтному подходу с его сильным антисистемным уклоном не удаётся объяснить ни возникающие тенденции к системообразованию, ни механизмы интеграции и солидарности.

С упором на роль органических противоречий в трансформации культурных и социальных моделей и порядков связан центральный тезис в символично-структуралистском подходе К. Леви-Стросса [Levi-Strauss, 1958]. В соответствии с этим подходом символические

трансформации объясняют и переход социальных порядков; структура социальной организации выводится из символической (культурной) сферы человеческой деятельности. В аргументации этого подхода слабым пунктом является неспособность определить природу институциональных механизмов, через которые символистские характеристики человеческой деятельности воздействуют на институциональную жизнь.

Культуроцентристский подход [Eisenstadt, 1978] придает особое значение присущим системе внутренним противоречиям, уровню институционализации, взаимодействию внешних и внутренних факторов. Принимая в целом парсоновскую теорию, Ш. Эйзенштадт ввёл элиминирующие универсализацию переходного процесса ряд переменных состояний и факторов, что обуславливает иные типы общественных изменений и объясняет многочисленные варианты социального устройства и динамики. Однако подход европоцентричен и рассматривает объективную вариативность лишь как деривации образца-эталона.

Обстоятельная критика моделей социальных преобразований (Г. Алмонд, П. Аптер, К. Керр, М. Леви, Д. Лернер, Х. Либенштейн, С. Липсет, Р. Нурксе, П. Розенштайн-Родан, У. Ростоу, Э. Хаген и др.), выстроенных на основе вышеупомянутых методологических подходов в русле линейного паттерна, в научной литературе достаточно многочисленна и детализирована со времен «депендентистов» (Т. Досантос, Ф. Кардозо, А. Монтеверде, О. Сункель, Е. Фалетто, С. Фуртадо) [Погосян, 2006]. Познавательная ценность исследуемых подходов поддерживается содержащимися в них элементами рационального знания, однако стремление к универсализму, тотальности и игнорирование социокультурной специфики выявляет их определенную ангажированность и предопределяет несостоятельность в качестве полноценного методологического инструмента в исследовании функционирования конкретных обществ.

Качественно иное прочтение всемирной истории человечества и социальных преобразований предлагает цивилизационный паттерн (Н. Данилевский, М. Вебер, О. Шпенглер, А. Тойнби). В его рамках социальные изменения (трансформации) считаются нормой системы и источником её динамики (П. Сорокин), но абсолютизация социальных изменений имеет следствием нарушение сложившихся общественных отношений, ввергая общество как систему в состояние дезинтеграции, и приводят к революциям и войнам, которые априорно предполагают человеческие жертвы [Sorokin, 1959]. В ситуации кризиса интегративных норм и распада основных систем жизнеобеспечения общества начинает преобладать негативная поляризация, которая проявляется в падении нравов, росте различных форм девиантного поведения, преступности. Процесс социокультурных изменений нарушает сложившуюся систему отношений и обуславливает вступление общества в период дезинтеграции, который сопровождается социальными конфликтами. Опыт либеральных реформ 90-х годов XX века на постсоветском пространстве подтвердил отмеченные П. Сорокиным закономерности развития общества в период трансформации. Дезинтеграция нормативных систем поставила большинство граждан перед необходимостью выживания за счёт нарушения закона и пренебрежения системой моральных норм. С начала XXI века начала стабилизироваться социально-экономическая ситуация, в ряде постсоветских стран наметился возврат государства в социальную сферу, на смену либеральным ценностям постепенно приходит система традиционных. Подобный переход объясняется действием сил, заинтересованных в стабильности и выходе из кризиса, а источником нормализации социального поведения людей выступает традиционная система ценностей, консерватизм социального сознания людей. Эмпирически в целом подтверждающиеся выводы П. Сорокина относительно системы ценностей общества в период трансформации и выявленные им закономерности динамики составляют обоснованный закон социальной поляризации [Яковец, 1998].

Теория хаоса (И. Пригожин, Г. Хакен, Г. Николис, И. Стенгерс) обращается к исследованию нестабильности систем, их динамики, положив начало изучению явления энтропии и функционирования диссипативных структур в открытых системах. В центре внимания оказываются наиболее существенные характеристики: устройство системы; её состав (подсистемы, элементы); текущее глобального состояния системной обусловленности; среда, в преде-

лах которой происходят процессы самоорганизации, характеризующиеся хаотичностью и ограниченной предсказуемостью.

Представляется принципиально важным различать детерминизм и предсказуемость. Мы настаиваем на неприменимости индетерминистских положений постмодернизма, нивелирующих причинно-следственные связи, сводящих на нет познавательную и прогностическую функции науки и опровергающих постулат «мудрость есть знание принципов и причин». Рассмотрим пример действия закона, который наряду с другими причинами объясняет феномен поливариантности. Например, две системы, в которых действуют одинаковые законы, в определённый момент времени будут находиться в не абсолютно тождественном, но относительно схожем состоянии, однако через сравнительно короткий промежуток времени в силу различия действующих факторов станут весьма сильно различаться по своему состоянию. Здесь наблюдается явление аберрации, или иначе, нарушения гомоцентричности по отношению к идеальному состоянию. Заимствуемая из физики теория аберрации применима и в социогуманитарных науках, в частности, одно из её положений: факторы, действующие в одной системе, под воздействием ряда обстоятельств не действуют в иной. Это теоретическое положение сводит к нулю попытки неконструктивной волонтаристской социальной инженерии (идущей в разрез с конструктивной, основанной на эндогенном социальном творчестве) универсализировать и унифицировать общества по единому образцу, обосновывает вероятность действия социальных законов, объясняя существующее многообразие обществ и различные пути их развития. Исторически сложившиеся общества не тождественны и различаются социокультурными основаниями со своеобразием коэволюционной самоорганизации, а параметры порядка имеют привязку к конкретному обществу, то есть не являются универсальными. В части описания долговременных устойчивых состояний, относительного динамического гомеостаза системы, дескриптивные возможности теории хаоса, лишь схематически обозначая важность в этих относительно стабильных состояниях общественных систем действия обратных связей и упоминая параметры порядка (которые, как и социальные нормативные и ценностные регуляторы различны в каждом обществе, а набор их уникален в каждом конкретном случае), нам представляются недостаточными. Теория хаоса вполне адекватно исследует состояние объекта в переходные моменты, энтропию, флуктуационные колебания, но недостаточна в исследовании стабильного состояния социума периоды его относительной гомеостатичности, не прослеживает трансисторическую устойчивость социальных структур [Ельчанинов, 2005], что актуализирует привлечение дополнительного методологического инструментария.

Поддержание устойчивости, динамической стабильности системы, её гомеостатическое функционирование с одновременным задействованием адаптивных свойств основывается на получении обратных сигналов и последующей корректировке к исходному состоянию исполнительными механизмами. Основным вопросом самоорганизации остаётся проблема выявления закономерностей, которые управляют функционированием систем. Уравновешивая крайности миро-системного анализа И. Валлерстайна, который свёл национальные социумы к эманациям мировой системы [Wallerstein, 2004], В. Каволис высказал идею о порождении мироцелостности совокупностью различающихся цивилизаций [Kavolis, 2006]. Р. Бендикс отмечал способность сохранения в каждом обществе исторически сложившихся социальных структур, которые во многих случаях оказываются чрезвычайно устойчивыми и с трудом поддаются разрушению [Bendix, 1974]. К этой идее примыкает подход Н. Лумана, рассматривающий частные социальные системы как аутопойетичные (самовоспроизводящиеся, самореферентные) [Luhmann, 2012].

Такая постановка вопроса органически связана со специфическим объектом социального знания, изучением множества конкретных обществ, которые реально сосуществовали в историческом пространстве, и подводит к проблеме изучения социокультурных кодов, генетических оснований (цивилизационных матриц) формирования локальных обществ [Kirdina, 2017], типов устойчивых состояний социальных систем, возникших в результате социальной самоорганизации в различающихся условиях [Малков, 2009], необходимости рассмотрения

устойчивых институциональных структур, с трудом поддающихся изменениям и определяющих специфику и разнообразие существующих обществ, со способностью к самовоспроизведению по своим имманентным законам.

Пути развития самоорганизующихся систем характеризуются определённым числом степеней свободы, которые в свою очередь обусловлены параметрами порядка. Попытку разработать комплексную систему социального знания, в которой общество представало как спонтанный порядок, без накладываемых социокультурным компонентом ограничений степеней свободы, предпринял Ф. Хайек [Hayek, 1988]. Сложный спонтанный порядок рассматривается им на примере рыночной экономики. Идея автора относительно эволюции социальных норм и институтов заключается в том, что существующие правила и обычаи, институты собственности и даже денежная система установились сами, а не благодаря сознательным усилиям людей.

В главе третьей «Эволюция рынка: торговля и цивилизация» в разделе «Слепота философа» Ф. Хайек осуждает Аристотеля за то, что тот не знаком с некоторыми различиями самоорганизующихся порядков, за то, что он является противником идеи эволюции в любом её виде, не принимая идею о происхождении высших организмов от начальных низших. При этом очевидно, что высший организм и последняя стадия возможного развития для автора – это капиталистическое общества с рыночной экономикой. Отвергается существование социокультурных различий, сам факт того, что у индивидов, групп и целых обществ могут превалировать или быть в принципе иные жизненные установки и ценностные ориентации, противоречащие моральному кодексу «строителя капитализма» с единственной доминантной интенцией – извлечением максимальной прибыли. Ф. Хайек считает, что в основу социалистических теорий, которые появились и заняли свою нишу в социальной теории в XIX–XX вв., легли наивные представления Аристотеля о мире. Существование в течение тысячелетий могущественных социалистических империй Востока, созданных без участия афинского философа и основанных на ином, условно «не западном» способе производства, для некоторых западных исследователей, видимо, прошло незамеченным. Согласно Ф. Хайеку, все, что минимизирует или пытается устранить разницу в доходах, подлежит определению «социальный» (термин этот у автора носит негативную окраску), а призыв к «распределительной справедливости» несовместим с конкурентным рыночным порядком, при этом разом перечёркивается весь опыт и уникальные наработки западных обществ в создании мощных нерыночных аппаратов социального обеспечения и социальной поддержки как результата крупномасштабных социальных катаклизмов XX века.

Любой уровень бытия представляет собой удалённую от равновесия структуру, которая существует за счёт рассеивания вещества, энергии и информации. Однако эти диссипативные структуры существуют устойчиво, что актуализирует вопрос о поддержании порядка. Важную роль в обеспечении поддержания порядка, самоорганизации системы, определения её контуров играет наличие прямой и обратной связи. Управляющее динамической системой воздействие корректируется круговой обратной связью, сигнализирующей о достигнутом приспособительном результате. Нарушение механизмов этого вида связи приводит к уменьшению адаптивных свойств системы, количество поступившей информации, оставленной без соответствующей реакции, без должного реагирования в виде модернизационных действий, возрастает, растёт и степень возмущения системы, что, по нашему мнению, и приводит к катастрофическим социальным последствиям: задержкам в общественном развитии, технологическому отставанию, как следствие – к экономической несостоятельности, проигрышу в войне, революциям, гуманитарным катастрофам.

Ключевая роль в открытых системах принадлежит, согласно подходу теории хаоса, флуктуациям, колебаниям, отклонениям, присущим динамике системы. Сильные флуктуационные отклонения, превышающие возможную амплитуду присущих средних величин параметров, могут разрушить систему. Здесь нам видится строжайшая необходимость взвешенного подхода в социальном управлении к институциональному переустройству: разрушение выполняющих роль регуляторов социальных институтов без полноценного замещения

предыдущих социальных регуляторов чревато катастрофическими последствиями [Погосян, 2017]. Равно как и игнорирование увеличения амплитуды колебаний ряда параметров (резкий рост безработицы, снижение продовольственной самодостаточности и т. д.) может привести в действие негативные сценарии.

Другой важный момент связан с прохождением точек выбора, бифуркации, когда перед системой встаёт ряд альтернатив дальнейшего движения. В этот период усиливаются нестабильность системы, флуктуационные колебания, возрастает роль аттракторов и случайно возникающих факторов. По нашему мнению, выбор сценария дальнейшей эволюции, выход из создавшейся ситуации осуществляется с помощью социокультурного компонента общественной системы. В случае необходимости адекватной реакции, если задействуется адаптивное свойство системы, последняя может выйти из бифуркационного состояния видоизменённой, поглотившей и усвоившей из среды часть воздействующей информации или энергии. Согласно М. Сетрову, в случае адаптации поглощаемой информации актуализируется «принцип совместимости» [Сетров, 1972], совместимости отдельно взятого элемента со всеми другими элементами целого, т. е. элемента и системы, в которую он входит.

Положение это представляется весьма важным, так как условием не деструктивного взаимодействия в ходе модернизационного заимствования между привносимой новацией и реформируемым объектом является наличие у них относительного совместимости, в противном случае реципируемое новшество будет отторгнуто. Актуализируется проблема аттракторов: заимствования, вызывающие сами по себе дестабилизирующие систему возмущения информационного поля, не делаются на досуге и по прихоти действующих волонтаристски реформаторов, но подобная селективная абсорбция новации обществом является мерой вынужденной, адаптивной, выводящей систему из кризисной точки ветвления. Поскольку диффузийные рецепции как результат межцивилизационных взаимодействий формируют будущее развитие общества, уникальный социокультурный компонент конкретного общества, стремясь к самосохранению и гомеостатичности, определяет объем абсорбции новой информации, пути её использования или полного неприятия и отторжения [Погосян, 2009].

Заключение

Проведенный анализ эвристических и дескриптивных возможностей методологических подходов в интерпретации функционирования социальных систем выявил имманентные проблемы теоретических конструктов линейного паттерна, который основан на принципе онтологического монизма всемирной истории. Подходы мейнстрима в части социальных изменений не в состоянии адекватно объяснить частые неудачи процессов модернизаций по западному образцу, разнообразие трансформирующихся («переходных») обществ, присущую им внутреннюю динамику. Применение цивилизационного подхода в качестве основного методологического инструмента в купе с дескриптивными возможностями теории хаоса не только открывает исследовательские перспективы в изучении конкретных обществ, в особенности присущих им систем ценностей как основы социальной самоорганизации и стратегий взаимодействия всех элементов общественной системы, с соответствующими компаративными сопоставлениями. Использование подобного методологического инструмента для анализа происходящих в обществе социальных изменений сможет также предостеречь от радикализации институциональной перестройки с привнесением недееспособных в данной среде инокультурных институций, насильственного внедрения в массовое сознание чуждых ему стереотипов, деструкции параметров порядка, поддерживающих единство системы, неизбежными последствиями чего будут потеря обществом регулятивной функции, рост социальной напряженности, дезинтеграция социума, катастрофические сценарии развития, и послужить отправной точкой для выработки осмысленной и научно обоснованной государственной стратегии развития.

Список литературы References

1. Ельчанинов М.С. 2005. Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна. М., Комкнига, 240.
Yelchaninov M.S. 2005. Socialnaja sinergetika i katastrofy Rossii v epohu moderna. M., Komkniga, 240. (in Russian)
2. Малков С.Ю. 2009. Социальная самоорганизация и исторический процесс: Возможности математического моделирования. М., Либроком, 240.
Malkov S.Yu. 2009. Socialnaja samoorganizacija i istoricheskij process: Vozmozhnosti matematicheskogo modelirovaniya. M.: Librokom, 240. (in Russian)
3. Погосян В.Г. 2006. Критика западнцентристской модели социально-экономической модернизации. Экономический журнал. (3 (13)): 171–184.
Pogosyan V.G. Kritika zapadnocentristskoj modeli socialno-economicheskoy modernizacii. Economicheskij jurnal. 2006, (3 (13)): 171–184. (in Russian)
4. Погосян В.Г. 2009. Модернизация в дискурсе исторической социологии. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. (4): 81–96.
Pogosyan V.G. Modernizacija v diskurse istoricheskoy sociologii. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2009, (4): 81–96. (in Russian)
5. Погосян В.Г. 2017. Инвариантные компоненты социальных систем как естественное ограничение институционального творчества. Социальная политика и социология. 16 (2 (121)): 147–154.
Pogosyan V.G. 2017. Invariantniye komponenti socialnih system kak estestvennoye ogranicheniye institucionalnogo tvorchestva. Socialnaya politika i sociologiya. 16 (2 (121)): 147–154. (in Russian)
6. Сетров М.И. 1972. Основы функциональной теории организации. Ленинград, Наука, 164.
Setrov M.I. 1972. Osnovy funkcionalnoj teorii organizacii. Leningrad: Nauka, 164. (in Russian)
7. Яковец Ю.В. 1998. Великие прозрения Питирима Сорокина и глобальные тенденции XXI века. М., МФК, 40.
Yakovec Yu.V. 1998. Velikiye prozreniya Pitirima Sorokina I globalnyye tendencii XXI veka. M., MFK, 40. (in Russian)
8. Bendix, R. 1973. State and Society: A Reader in Comparative Political Sociology. Berkeley, University of California Press, 648.
9. Bendix, R. 1974. Work and Authority in Industry: Managerial Ideologies in the Course of Industrialization. 1st California ed. Berkeley, University of California Press, 464.
10. Eisenstadt S.N. 1978. Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations. New York, Free Press, 348.
11. F.A. Hayek 1988. The Fatal Conceit. The Errors of Socialism. In: The collected works of F.A. Hayek, Volume I. Edited by W.W. Bartley III. Chicago, University of Chicago Press, 194.
12. Huntington, S. 1996. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. NY, Simon & Schuster, 367.
13. Kavolis, V. 2006. Civilization theory and collective identity in the postmodern-globalized era. Kulturos barai, Vol. 7. Available at: <http://www.eurozine.com/articles/2006-07-24-kavolis-en.html> (accessed 12 July 2018).
14. Kirdina, S. 2017. The Emergency of Evolutionary-Institutional Thought in Russia. In: Theory and Method of Evolutionary Political Economy: A Cyprus Symposium, edited by H. Hanappi, S. Katsikides and M. Scholz-Wäckerle, New York, Routledge:100–114.
15. Levi-Strauss C. 1958. Anthropologie structurale, Paris, Plon, 452.
16. Luhmann, N. 2012. Theory of Society. Volume 1. Stanford, CA, Stanford University Press, 488.
17. Parsons T. 1964. Functional theory of change. In: Social Change: Source, Pattern and Consequence. Ed. by Etzioni A. New York, The Free Press: 83–97.
18. Rueschmeyer, D. 2000. Theoretical generalization and historical particularity in the comparative sociology of Reinhard Bendix. In: Vision and method in historical sociology. Ed. by T. Skocpol. Cambridge: Cambridge University Press, 410: 135–138.
19. Sorokin P.A. 1959. Social and Cultural Mobility. London, The Free Press, 645.
20. Wallerstein, I. 2004. World-Systems Analysis: An Introduction. Durham, NC, Duke University Press, 128.